Я и мой воображаемый недруг

Автор:
Оксана Алексеева

Я и мой воображаемый недруг

Оксана Алексеева

Сказ о том, как мы с настырным полтергейстом в одной квартире уживались. И, конечно, о неприятностях, которые мы сами себе и создавали.

Оксана Алексеева

Я и мой воображаемый недруг

Глава 1. Телефон

Все началось с телефона. Точнее, с моей ошибки, когда я зачем-то взяла этот чертов телефон. Иногда кажется, что фатум предопределяет судьбу – если не каждый ее момент, то хотя бы ключевые события в жизни. Словно как бы ты ни сопротивлялся обстоятельствам, они всегда подведут тебя к какому-то решению, которого невозможно избежать. Но в данном случае я понимала отчетливо: все началось именно с моей ошибки. И если бы я ее не совершила, то ничего дальнейшего уже бы не произошло. Возможно, что в некоторых – ключевых событиях жизни – фатум дает нам право выбора: нырять в кроличью нору или остаться на поверхности. И самое сложное в этом понимании – тот факт, что если бы события повторились, я, скорее всего, уже осознанно приняла бы точно такое же решение. Несмотря на все ужасы, которые за этим последовали… Потому что жизнь бессмысленна, если на всем ее протяжении так и не решиться нырнуть в кроличью нору.

Все прочие события в моей жизни можно списать на стечение обстоятельств. Я поступила в железнодорожный институт, потому как поддалась уговорам родителей: без работы не останешься, а если потом устроишься в муниципальное управление – так вообще, можно сказать, что карьера удалась. Бухгалтеров, экономистов там всяких, дипломированных юристов и прочей шушеры из наших вузов выпускается, как кур нерезаных – оттого-то они и работают впоследствии не по специальности, в большинстве своем. Хочешь иметь в жизни прочное место, как любил говаривать отец, так научись тому, что не умеют другие, причем ДЕЛУ, а не пустому языковилянию. Его аргументы я сочла значимыми, потому-то и поступила учиться на инженера.

Довольно быстро убедилась, что сделала верный выбор. По меньшей мере, годы учебы не покажутся адом. Среди нас ходили легенды, что во всяких там «экономико-юридических», где основной контингент был представлен женским полом, на перерывах обсуждаются последние номера Космо, а в свободное время группы совместно посещают если не маникюрные салоны, то, на крайний случай, Мак Дак. Уверена, легенды сильно приукрашивали действительность, но наше сообщество даже от мыслей таких было далеко. Да и, признаться честно, мне с самого детства было комфортнее в обществе мальчишек – а тут раздолье! Мы с Таней исчерпывающе представляли всю женскую «половину» нашей группы, состоящей из тридцати студентов. К счастью, ни одна из нас не была склонна обсуждать последний номер Космо, но даже если бы такое и случилось, то при постоянном общении с парнями, эта привычка сама собой бы отмерла за ненадобностью. Любое общество неизбежно втягивает каждого в свои правила. Я до сих пор помнила, как в школе сплетничала с подружками, перемывая косточки практически каждому общему знакомому: хоть это не слишком вписывалось в мой характер, просто получалось само собой, поскольку все вокруг так делали. Исключительно женские компании я не выносила, но никогда в них надолго и не оказывалась. В смешанных группах заметила тенденцию: там и парни со временем становятся болтливее, начинают больше переживать о внешности и даже на равных обсуждают какой-нибудь модный аромат. Наверное, женская энергетика сильнее мужской, что сказывается на общей атмосфере, прививая больше «женских» правил, чем «мужских». Но уютнее всего я себя чувствовала только в мужском коллективе. С парнями все куда проще: они редко интригуют и сплетничают, скорее в морду дадут; с некоторыми можно обсудить фильм, но без ванильных радуг; с некоторыми – обменяться матами в порыве спора. Никто из них не заметит новые джинсы, если только не обратит внимания на твою филейную часть в этих самых джинсах. Да, надо быть готовой и послать, если вдруг чей-то гормональный

интерес слишком сильно зафиксируется на твоих новых джинсах… как и к тому, что тебя пошлют, если вдруг начнешь перегибать и злоупотреблять своим «дамским положением». И все это проще, потому что понятно. Возможно, именно эта атмосфера и уничтожала постепенно в нас с Танюхой остатки женственности, которыми мы и без того не слишком блистали.

Причина, по которой мать так яростно поддержала мнение отца об институте, стала ясна чуть позже – когда она с рвением натасканного добермана начала расспрашивать о каждом студенте в нашей группе и на потоке. Очевидно, родительница уже отчаялась, что ее ненаманикюренная доченька найдет себе романтичного хахаля с ромашковым веником, поэтому была согласна поместить меня в изолированные от красивых конкуренток условия. Тут, вроде как, сам бог велел. Я ее мнение о собственной персоне не разделяла: парня у меня до сих пор не было только лишь по той причине, что я не встретила того, кого буду безусловно уважать. У меня нет исключительно женской черты – фривольности, поэтому я не собиралась перебиваться полумерами. Найду того самого – именно за него выйду замуж, чтобы рожать ему детей, чтобы никогда не задумываться об измене. А если не найду – не страшно: вполне можно обзавестись детьми и без мужа или посвятить себя какой-то другой миссии. Все лучше, чем до старости мириться с тем, кто этого не достоин. Себя я считала достаточно привлекательной – за мной изредка увивалось какое-то жалкое полу-мудачье. Нет, я никогда в центре внимания не находилась, но, скорее, по той причине, что парни воспринимали меня как пацанку «из наших», а не потому, что считали уродиной. Фигуру свою я предпочитала видеть «спортивной», а не как выражалась мама: «Машенька, ты бы хоть обруч крутила, чтоб талию наметить». Каблуки-шпильки и блестящие локоны же я относила к непременным атрибутом только для тех, кому больше впечатлить нечем.

Справедливости ради, выбор среди моих сокурсников был – да еще какой! И в самом начале мы с Танюхой подвергались почти постоянным романтическим нападкам – она, деревенская и простая девчонка с цветущим видом, чуть чаще, чем я. Но со временем все это внимание сошло на нет. Думаю, именно с этого момента мы и стали «своими пацанами», что, на мой вкус, куда круче, чем «неплохие сиськи, Тань!». И мы с ней тоже со временем перестали их оценивать с точки зрения рынка женихов.

Конечно, кто-то выделялся – так всегда бывает. Всегда находятся люди, свечение которых невозможно игнорировать. Самым ярким из наших одногруппников – да и на потоке вообще – был Сергей Севостьянов. Вот просто

существуют такие персонажи, появление которых в помещении сразу замечаешь, если они улыбаются – все невольно начинают тоже улыбаться, а если смеются, то это, как минимум, не останется незамеченным. Шумный, дикий, впечатляюще красивый – такой и в «экономико-юридическом» стал бы более обсуждаемым объектом, чем последний номер Космо. Таких обожают друзья, они всегда в центре любой компании, их ненавидят преподаватели – потому что легкость их характера неизбежно отражается на учебе. Неглупые балбесы, которые подбивают «хвосты», только когда уже находятся на грани отчисления, которые любое свое выступление на семинаре превращают в шоу. Конечно, в первое время Сережа приклеил к себе и мой взгляд, но, к счастью, ненадолго. В таких влюбляются только романтические дуры, отказывающиеся видеть, что под блестящим фантиком нет ни грамма серьезности. Уверена, что по нему ночами лили слезы в подушку все представительницы факультета «Бухгалтерского учета и аудита на железнодорожном транспорте» – только потому, что плохо его знали. Мы с Танюхой слез не лили – Севостьянов прекрасен издалека, но любить такого повесу – только себя наказывать. Ко всем своим недостаткам, Сережа был еще и бабником. Хотя с другой стороны, грех такой внешностью не пользоваться. Он и пользовался, а мы с улыбкой наблюдали за этим со стороны.

Зато «выпасы», как у нас было принято называть совместные гулянья всей группой, получались презабавными. Например, когда мы поехали на шашлыки за город, где совершенно бухой Севостьянов организовал массовый стриптиз. Точнее, он начал, а трое других придурков подхватили. Артем, лучший его друг, почти с боем не дал ему танцевально снять трусы и кое-как стянул Сережу со стола. Или тогда, когда нас какими-то перипетиями судьбы занесло в кинотеатр. «Пятьдесят оттенков серого» – как сейчас помню, ибо до сих пор слезы наворачиваются от смеха. Может, и хороший фильм, но вся режиссерская, операторская и актерская работы, если такие вообще подразумевались, свелись на нет, когда «Серый», про пятьдесят оттенков которого и была вся история, начал озвучивать происходящее на экране – сначала тихо, а потом чуть ли не на весь зал. Наши парни, естественно, идею тут же подхватили, и когда главная героиня, после того, как получила шлепок по попе, очень смешно и стройным хором заверещала: «Айяйяйяйяйяйяй!», то дальше уже подключился почти весь зал, включая и недовольных – их возмущенные выкрики только добавляли зрелищности. Нас выгнали – всю группу! Даже меня и Танюху, хоть мы только хохотали! Да там весь зал ржал – почему же всех не попросили уйти? Но я не сильно обижалась, решив, что если человека ни разу в жизни не выгоняли из кинотеатра, то это довольно скучная жизнь.

Все «выпасы» нашей группы превращались в феерию не без участия Сергея Севостьянова и других почти настолько же дурных одногруппников. И хоть никто обычно не предполагал, чем конкретно грозит очередная вечеринка, такого финала в тот день, конечно, никто просчитать не мог. Это был последний «выпас» в том виде, к которому мы привыкли.

Мы отмечали закрытие летней сессии второго курса – на этот раз сдали все, и даже у самого Сереги осталось только два хвоста на сентябрь. Я тогда еще глупо подумала, что когда его все-таки отчислят, я, наверное, буду немного скучать по таким сумасшедшим сабантуям. Собрались в съемной квартире Митюхина, практически моментально нажрались. Часа через два я решила скрыться в одной из комнат – веселиться уже не было сил, а я перепила так, что мутило. Возможно, успею отлежаться до того, как соседи вызовут полицию. Наберусь, так сказать, сил, чтобы плестись домой на другой конец города.

Меня разбудило ощущение совсем не невинного прикосновения к моему девственно-нетрезвому телу. Невинным оно не было хотя бы потому, что точка приложения оказалась прямо между моих ног. Ага, в том самом месте чья-то рука пыталась что-то промять сквозь плотные джинсы. Мне удалось развернуться, пока в междуножьи у меня не вылепили член или чего-то там вылепливали, но обнимать меня не перестали.

– Сереж, охренел? – я даже не особо удивилась, опознав лицо нападавшего.

– Маш… Я такой бухой, – сказал, будто сему факту требовались еще и словесные подтверждения. – А бухому мне требуется баба. Маш, будь моей бабой!

Прозвучало почти торжественно! Я, например, очень впечатлилась – за мной еще ни разу так утонченно не ухаживали. До слез пробрало, похлеще букетиков с конфетками. Протянула руку к его ширинке, погладила мягко, получила судорожный выдох, насладилась его звучанием, а потом со всей силы сжала пальцы.

– А-а-а-а! – Сережа попытался оторвать мою руку, но я вцепилась еще сильнее. И тогда он повторил более высоким голосом, почти оперным сопрано: – А-а-а-а!

Пора и высказаться – некрасиво же оставлять вопросы без ответов:

– Я согласна, милый!

Ему наконец-то удалось отобрать у меня хозяйство, которое он теперь зажимал двумя руками, как настоящую драгоценность.

– Не, че-т я передумал. Пойду еще жахну. Прости, милая, у меня голова разболелась!

И как только смог шевелить нижними конечностями, нервными прыжками счастливого кролика умчался к остальным.

Я перевернулась на спину и вздохнула. Вот же припадочный, разбудил. Уснуть снова, пережив все эти вертолеты, – та еще забава. На новый раунд попойки, как и на пеший поход до собственной квартиры, я сил набраться не успела.

Решила, лучше пока просто проветриться – авось, после этого какими-то суперспособностями и озарит. Прошла мимо шумной толпы за столом. Осторожно, чтобы не завалиться в темноте на лестнице, миновала подъезд – и снова вздохнула. Там, на свежем воздухе летней ночи, тоже торчала часть наших: курящие одногруппники обычно не наглели и не заставляли других вдыхать мерзкий дым, выходя на улицу. Я подошла к ним ближе, а они просто продолжали свой разговор, который начался до моего прихода.

– А ты, Маш, тоже тут останешься или домой свалишь? – поинтересовался Артем.

– Домой, – я очень не любила оставаться на такие ночевки. Конечно, никто из парней вреда бы мне не причинил – дело не в этом. Просто я обожала высыпаться в собственной кроватке собственного жилья, которое так долго выпрашивала у родителей. Тут же скооперировалась и с парой потенциальных попутчиков, живущих в том же районе – вот и отлично, парни проводят.

Жаль, что Артем не из их числа… Я недавно поняла, что если бы Севостьянов не концентрировал на себе всеобщее внимание, если бы его вообще не было, то уже в самом начале я заметила бы, насколько Артем хорош. «Скажи мне, кто твой друг» – поговорка точно не про них. Артем не являлся полной противоположностью своего приятеля – они во многом были похожи, но отличался от него именно в тех моментах, в которых было нужно: он не был занудой – мог точно так же, как и все, повеселиться, но ни разу не пытался

стянуть с себя трусы на столе для шашлыка, он выпивал, но не до такой степени, чтобы себя не контролировать, ему легко давалась учеба, но он не делал ставку на одно только везение. То есть он, как и его лучший друг, гнул палку, но ни разу на моих глазах ее не перегнул. И он бы считался самым симпатичным парнем, когда рядом не находился ослепляющий Севостьянов. Единственным очевидным недостатком Артема и был его друг. Я склонялась к мысли, что если Артем решит проявить ко мне интерес, я и своему интересу к нему дам шанс.

Внимание нашей компании привлек шум наверху. Окно было давно распахнуто настежь, а я только удивлялась, почему никто до сих пор не пожаловался – нашу попойку тихой назвать было невозможно. Наверное, Митюхин и не преувеличил про «толерантность» соседей. Но теперь на подоконнике темнела шатающаяся фигура. Артем даже отшагнул дальше, чтобы разглядеть, да и мы все притихли, пытаясь понять, что происходит.

Какие-то крики, смех болтающегося на окне Севостьянова, а потом…

В следующую пару секунд все протрезвели. Вот такие целые две секунды, делающие из тебя другого человека, который уже совсем не тот, что был час, неделю или год назад. Две секунды, когда на твоих глазах кто-то срывается и летит вниз. Две секунды странных звуков извне и полной тишины внутри.

Крики раздались уже после того, как эти бесконечные две секунды закончились. Артем тяжело задышал и согнулся уже после. После пробегали мимо люди. Визг, рев, отшатывающиеся фигуры – все было после. А мой разум так и не желал включаться, вырываться из этой тихой бесконечности. Возможно, чтобы не принимать произошедшее, сознание выхватило что-то другое, менее значимое, и зацепилось за него. Я медленно опустила голову, чтобы посмотреть, что стукнуло меня в ботинок. Заторможено подняла телефон: задняя панель отлетела, вдоль экрана трещина. Он ударился сначала о землю, а потом отлетел к моей ноге. Я смотрела на разбитый телефон Сергея Севостьянова, чтобы не смотреть в ту сторону, где он умер.

Естественно, все дальнейшие события протекали без какого-либо анализа. Я даже не помню, как сунула телефон в карман ветровки и уж тем более – зачем это сделала. Просто было не до того. Окончательное осознание до меня дошло только на похоронах. Будто я долго спала и проснулась внезапно – когда все по очереди кидали по горсти земли на гроб. Много, много людей с серыми лицами

наклонялись, деревянными руками зачерпывали землю и скидывали в яму. И когда мой комок глухо стукнулся о дерево – я проснулась. Даже голова закружилась от неожиданной ясности. Он не был моим близким другом, не был кем-то важным для меня, но такая нелепая смерть для настолько яркого человека – это было что-то за гранью понимания вселенского равновесия. И я зарыдала. Впервые с тех страшных двух секунд я зарыдала.

За месяцы летних каникул, конечно, все переживания стерлись и подзабылись. В сентябре мы не спешили возобновлять групповые «выпасы» – и не потому, что среди нас не осталось весельчаков, просто слишком мало времени прошло. Эта тоска когда-нибудь окончательно пройдет – особенно у тех, кто не был с ним слишком близок. Но даже когда мы будем обмывать дипломы на пятом курсе, все равно непременно вспомним о нем. Потому что он был. Потому что Сережа Севостьянов когда-то был. Но такой тоски уже не будет, и к тому времени мы забудем, что он доставлял и неприятности, в памяти останутся только его легкость и источаемый кураж. Время лечит – и это было заметно уже сейчас.

Я забрала от родителей осенние вещи, снова поругалась с младшим братом и направилась в свою квартиру. Родственники мои не были особо состоятельными людьми, но после долгих уговоров согласились снять мне совсем маленькую квартирку – поближе к институту, подальше от братца, который мне сворачивал кровь не только своим присутствием. Он колупал меня по каждому поводу, не давая сосредоточиться на занятиях, поэтому я была счастлива, когда стала жить отдельно от родичей. Конечно, частенько заглядывала и на семейные ужины – особенно, когда самой готовить не хотелось, но и имела возможность наслаждаться личным пространством.

Вывалила вещи из сумки на диван. Сначала чай, а уж потом монотонное раскладывание по шкафам. Шапка мне еще долго не понадобится – наверх ее. Поближе стоит разместить только пару кофт и ветровку – утром уже довольно прохладно. Я вспомнила об уже почти стертом из памяти событии, только когда ветровка тяжело стукнула меня карманом по руке.

Его телефон. Я действительно о нем совершенно забыла. Возможно, если кто-то бы спрашивал о его мобильнике, то я бы вспомнила, но всем было не до того. Да и потом мысли к тому страшному моменту не возвращались – наверное, берегли меня. В итоге теперь я в руке держала сломанный телефон своего погибшего три месяца назад одногруппника.

Что полагается делать в таких случаях? Отдать родным? Вот, мол, держите, прикарманила, а теперь совесть заела. Глупо звучит. Возможно, аппарат можно починить – с виду только задней панели не хватает, но все равно слишком нелепо. Может, отдать Артему – тоже глупо, но хоть не так стыдно. Ага, и снова увидеть в его глазах ту темноту, от которой он только-только начал избавляться? Я решила, что никто из близких Сережи не нуждается в лишнем напоминании, и даже дорогая модель сотового не оправдывает очередной укол болью. Может, я и ошибалась, но проверять желания в себе пока не обнаружила. Так и не придя к какому-то однозначному решению, просто отложила телефон на полку и занялась другими делами.

Через несколько дней, когда я за столом готовилась к семинару, снова уловила странный звук. Прислушалась, но как и в предыдущих случаях, источник не определила. Но в этот раз то ли я была слишком уставшей, что меня от занятий отвлекало уже все подряд, то ли шумело громче, но я решила отдохнуть от учебника и в процессе поискать, откуда раздается этот тихий скрежет. Прислушалась ко всем батареям – вода шумит иначе, да и звук я до сих пор улавливала только в моей комнате. И еще до того, как посмотреть на полку, поняла. Нет, не оформленной мыслью, а рывками нарастающим ужасом. Осознанно остановила себя от паники – это в моем характере. О, я никогда не была кисейной барышней – да я вперед всех мальчишек залезала на забор, я быстрее всех гоняла на велике, я не терялась в любых ситуациях… Поэтому после недолгой заминки заставила себя протянуть руку и взять телефон, о котором снова позабыла – словно он усердно пытался выскользнуть из моего внимания.

Уже по вибрации поняла, что не ошиблась. Ужас теперь осел комком в горле, но я посмотрела на выключенный дисплей, а затем поднесла сотовый к уху. Наверное, до последнего надеялась, что шум раздается не оттуда. И убедившись, выронила аппарат из руки, которая затряслась так сильно, что от нее начало содрогаться все тело. Даже вспомнила где-то услышанное словосочетание, которое моему спокойствию уж точно не помогло.

Белый шум.

В этих двух словах было что-то жуткое, хотя я и не могла вспомнить точное значение этого термина. Какой-то математически равномерно распределенный звук, в котором можно услышать… Мне показалось, что я услышала… Что-то похожее на «ш-ш-ш». В почти бесколебательном скрежете я, вполне возможно,

расслышала «ш-ш-ш». Наверное, если бы я могла быть с собой в тот момент достаточно откровенной, то я уловила бы «аш-ш-ш-ш-ш» или даже «маш-ш-ш-ш». Но это было бы слишком. А тогда я просто старалась дышать. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Всему есть объяснение. Всегда. Вдох. Выдох.

Я схватила телефон и просто вышвырнула его в распахнутую форточку, даже услышала, как он ударился об асфальт – на этот раз, скорее всего, разбившись окончательно. Снова вдох. Всему есть объяснение. Просто я испугалась, и поэтому мне сложно это объяснение понять.

После двух чашек чая на кухне страх сам собой отступал – медленно, но с очевидной капитуляцией. Скорее всего, сотовый не был окончательно сломан. Вполне возможно, когда я его достала из ветровки и положила на полку – случайно поставила аккумулятор на место. Какие-то соединения сошлись, и он включился. Дисплей признаков жизни не подавал, но это же не значит, что в самом девайсе не могли функционировать еще какие-то процессы. Просто обесточенные до сих пор контакты сцепились и запустили, например, какое-то приложение. До чего же просто! Я облегченно рассмеялась и налила себе третью чашку. Хорошо хоть, в лоб случайному прохожему не попала, истеричка!

Теперь уже почти спокойно осмотрелась вокруг, упрекая себя в трусости и разрешая себе немножко над этим похохотать.

И подавилась собственным смехом, когда на моих глазах дверца навесного шкафа отворилась, издав при этом мучительный скрип. Я вскочила на ноги, опрокинув кружку. С усилием оторвала взгляд от дверцы и теперь смотрела на то, как чай разливается по столешнице, приближается к краю и начинает пробивать себе путь вниз, на пол. Кап. Кап. Взять тряпку и вытереть. Всему есть объяснение! Всегда! Я решительно захлопнула зачем-то открывшийся шкаф, взяла тряпку и шагнула к столу. И теперь уже закричала. Видя, как равномерно медленно выдвигается ящик, я просто закричала. Вылетая из кухни, краем глаза заметила, что дверца навесного шкафа снова открывается.

В комнате прижалась спиной к двери, будто боялась, что следом за мной кто-то бежит и зажала рот двумя руками. Всему есть объяснение, если только начать думать и перестать кричать! Успокоиться и подумать! Сквозняк. Старые шарниры. Как давно меняли фурнитуру на кухонной мебели хозяева квартиры? Любое объяснение подходит! Любое! На кухне форточка открыта, так что сквозняк – вполне себе…

На моем рабочем столе лежал сотовый телефон.

Глава 2. Полтергейст

Опомнилась, только когда начала задыхаться от рвущихся наружу легких. Редкие прохожие озирались, наверное, соображая, от кого я с таким усердием убегаю. Остановившись, попыталась восстановить дыхание.

Я могла придумать какое угодно объяснение открывающимся дверцам и даже медленно выдвигающимся ящикам – любое, но только не такое, которое заодно бы и пролило свет на вопрос, каким образом выкинутый в окно телефон снова оказался на моем столе. К этому моменту и спустя пару километров я готова была признаться себе, что произошло нечто необъяснимое. Надо просто продолжить жить, а там как-нибудь само собой все устаканится. Верно! Сейчас нужно сосредоточиться на собственных действиях – раз я физически не могу вернуться в ту квартиру, значит, иду ночевать к родителям. Ничего, что заявлюсь поздно, ничего, что одета в домашнее – скажу, что случайно захлопнула дверь, когда выносила мусор. У родителей как раз есть дубликат ключей. Дверь я, скорее всего, не захлопнула – и это ничего. Если туда заберутся воры, то их же беда. Ни ноутбук, да никакая личная вещь меня не заставила бы сейчас вернуться, чтобы проверить.

Конечно, пока я медленно плелась по темным улицам, голову посетила идея честно обо всем рассказать родителям – хотя бы маме. Но мысль отчего-то не прижилась. Кто в здравом уме поверит в такую историю? Да еще и оставался насущный вопрос: а я сама насколько в здравом уме? На моих глазах погиб человек – разве такое проходит для кого-то бесследно? Все могло быть галлюцинацией пострадавшей от шока психики. К такому выводу и придет каждый здравомыслящий слушатель. Я бы именно к нему и пришла. А раз так, то меня попросту сочтут сумасшедшей, что, вполне возможно, и соответствует истине. В воспаленном воображении мелькнули обшарпанные серые стены и окна с решетками – психушка, как я себе ее представляла. Психушка для меня виделась местом пострашнее тюрьмы. Поэтому, когда удалось немного успокоиться, я твердо решила, что пока сохраню свое заболевание в тайне – возможно, само рассосется. Или под каким-нибудь выдуманным предлогом выпрошу у родителей денег и запишусь к психологу. Последняя мысль

показалась настолько разумной, что я даже немного воспрянула духом. Конечно, специалист мне поможет разобраться! И пока я не опасна для людей, то он вряд ли меня сразу же сдаст санитарам. А пока переночую у родителей, окончательно успокоюсь – и там уже решу, возвращаться ли мне в квартиру или соврать, что какие-нибудь пьяные соседи на меня напали или другую чепуху, объяснившую бы мой страх и желание снова жить в родном доме.

Дверь открыл Пашка, заставив отчетливо припомнить причину, по которой я так стремилась отсюда уехать.

– Ма-а-ам! Машка пришла. Вроде бы снова бухая… – равнодушно крикнул в сторону братец и пошлепал в свою комнату.

– Гандон, – тихо отозвалась я ему в спину.

Он постоянно сочинял про меня небылицы, даже предлагал родителям сделать мне тест на наркотики, рвал мои конспекты, оттаптывал только что начищенную обувь. Они все это воспринимали, как проделки подростковых гормонов, но я понимала, что все гораздо хуже: мы все были подростками, но мало кто из нас был таким мудаком. Это сорт людей особенный – мерзейшее отродье. Им хорошо только если плохо другим. Я даже не помню, любила ли его в детстве – кажется, Пашка с тех пор, как говорить начал, все время изливал только говно. Пыталась ненавязчиво воспитывать: не лупить со всей дури, а так, хотя бы подзатыльник дать, когда уж совсем наглеет – я ведь и осталавась виноватой! Удел старших детей – всегда терпеть необоснованное понимание со стороны родителей к младшим. Терпеть, терпеть, терпеть – будто своих проблем мало. Сейчас этот идиотина учился в девятом классе, так что вынужденного общения с ним у меня впереди еще года да лета.

– Машуль, ты чего так поздно?

Мама вытерла руки о фартук, чуть прищурилась, оценив мой растрепанный внешний вид, но комментировать не стала. Я выдала историю о захлопнувшейся двери, за что была утешена, заботливо обругана, накормлена, напоена, опрошена об учебе и уложена спать. Благо, мою комнату еще не успели переоборудовать под какие-нибудь тупые Пашкины нужды.

Как ни странно, но мне удалось отвлечься и уснуть. Утром мама разбудила, так как я по глупости ляпнула, что мне к первой паре. Даже отец спозаранку подскочил, чтоб подвезти меня. Теперь не отмажешься – надо или признаваться, или ехать с ним в квартиру – ведь учебники и одежда для института там. Я, наверное, очень хорошо выспалась, раз решилась на второй вариант.

К сожалению, папа даже не предложил составить мне компанию в переодевании и собирании учебников. Просто шлепнул чмоком в щечку на прощание и укатил по своим делам. Дверь все же оказалось запертой – то ли я вчера, выбегая, захлопнула, то ли очаровательный выдвигатель ящичков позаботился об этом сам. При дневном свете было не так страшно – я очень быстро схватила сумку, отметив, что телефон так и лежит на краю стола, еще быстрее переоделась и вылетела в подъезд, только там начав дышать. Лучше посижу лишних сорок минут в институте: мне не помешает дополнительное время, чтобы настроиться.

Настраивалась я на протяжении всего учебного дня, впервые в жизни пожалев, что сегодня у нас не восемь или хотя бы не шесть пар. Но все же какая-то внутренняя сила во мне за это время встрепенуться успела. Я даже возгордилась собой, когда почти уверенно открыла дверь и зашла в квартиру. Просто орден заслужила «За храбрость»! И именно самоуважение от того, что я все-таки не оказалась конченой трусихой, мне еще больше прибавляло смелости. Включила свет везде – это ничего. Ничего даже, что еще день. Не все же сразу. Вытерла со стола и пола вчерашний чай. Сцепила кулаки и зашла в комнату, подошла к столу. Я смелая! Я не какая-нибудь там… леди или фифа, падающая в обморок! Я – Мария Потапова, девчонка, которая с детства не давала спуска ни одному пацану во дворе! И если я просто спятила, то признаю это со всей присущей мне смелостью, а не стану прятаться от себя самой. Телефон не вибрировал и не издавал ни малейшего звука, отчего я почувствовала некоторое облегчение, когда положила его обратно на стол. Снова выкинуть его в окно я не решилась – во-первых, там еще полно народу, и кто-нибудь может начать скандально возмущаться, а во-вторых, я не была уверена, что он не вернется обратно – а это уже слишком пугающе.

Сварганила себе легкий ужин и уселась перед телевизором. Честно высмотрела целую комедию – правда, не смеялась, но зато и перестала постоянно озираться по сторонам. Возвела собственный боевой настрой в режим «максимум» и решилась: сегодня я с этим и разберусь. Если галлюцинаций больше не будет – отлично. Если они повторятся, то не стану убегать. Напевая под нос неуместную «На границе тучи ходят хмуро» я снова прошлась по всему помещению, чтобы на

этот раз свет выключить. За окном стемнело – самое время для галлюцинаций. Для паранормальщины – тем более. И к столу во второй раз подошла уже куда уверенней. Мне даже не стоило брать телефон в руки, чтобы убедиться, что он не шумит. Но я это сделала – в очередной раз самой себе доказать, что могу.

– Ладно, – громко, уверенно и отчетливо произнесла я, обращаясь к сотовому. – Говори, что ты там хотел мне сказать? Давай еще раз поиграем в твои игры разума!

Телефон, к вящему облегчению, не ответил. Я даже усмехнулась.

– Ну же, давай покончим с этим здесь и сейчас! Я больше не убегу! – мне нужно было это произнести самой себе – поставить точку для собственного мозга, если он решится на очередные свистопляски.

– Правда?

Раздалось тихо, едва слышно, со спины. Я вскрикнула и подскочила на месте, оборачиваясь. В комнате была не кромешная тьма, и сквозь открытый проем я видела часть зала. Никого. Естественно, первым порывом было тут же сорваться с места, но я нашла в себе силы остановиться. Если снова сбегу, то это будет просто очередной бессмысленный круг – я не на это настраивалась. Только вот голос мой заметно поутих и дрожал:

– Д-да.

И он ответил почти сразу же – голосом, который я, конечно, не могла не узнать.

– Ты только не бойся, Маш. Я не причиню вреда, – темнота ответила теперь чуть громче.

Если это и подстава моего сознания, то оно явно мне хочет этим что-то сказать. Значит, нужно продолжать. Тем более, что пережив запредельный шок, волнение почему-то начало спадать – психика высвобождалась от излишка переживаний, абстрагировалась, успокаивалась.

– Сережа… ты?

– Ты видишь меня?! – на этот раз совсем рядом, но я почти даже не вздрогнула. И снова, уже почти в полный голос: – Ну славтехоспади! Это ж кабздец какой-то – быть невидимкой! Юху-у! Как я выгляжу?

Захотелось истерично хихикнуть, но голосовые связки пока к этому не были готовы.

– Я… не вижу тебя. Слышу.

– У-у-у-у, – протянул он. – Ну че за хрень, а, Потапова?! Я три дня учился хлопать дверцей, думал, что стану прям полноценным… Это ж скукота, когда тебя вообще никто всерьез не воспринимает!

– Ты… призрак?

– Так вроде того… Хотя нет! Я – полтергейст, раз дверцей хлопать научился! Шикарно, да?

И он рассмеялся. Я теперь отчетливо понимала, откуда точно раздается его голос, даже нашла в себе силы ступить ближе и сосредоточиться. И теперь мне казалось, что воздух в том месте чуть плотнее… или чуть светлее. Я не выдержала и шагнула к выключателю, зажигая свет. Тут же осмотрелась. Все произошедшее снова стало казаться нереальным.

– Ты еще тут?

– Тут-тут… – ответил, и я снова повернулась к тому месту, где он должен был находиться, но ничего не увидела. – Ты чего, Маш? До сих пор боишься? – это прозвучало несколько обиженно.

И вдруг я перестала чувствовать этот ужас – вот так просто, словно оторвала от себя пульсирующий страх и отбросила подальше. Мне стало даже немного стыдно, поэтому и сказала:

– Нет! Но я хочу разобраться, так что… дай мне время.

– В чем разобраться? – судя по удалению звука, он направился в зал, а я последовала за ним, удивившись, что колени уже почти не дрожат. – Сама ж все равно не разберешься. Давай меня спрашивай! А то я намолчался на всю оставшуюся смерть.

Я села на диван и попыталась расслабиться:

– Где ты был все это время? Ну… после…

– После того, как вывалился из окна? – голос его был бодрым – совсем неподобающе для трупа. – Сначала вообще в каком-то тумане блуждал. Я сразу понял, что умер, вот и искал, согласно сериальной традиции, какой-нибудь свет в тоннеле или дверь там… Нет ничего! Точнее, я не нашел. И нескоро в этом тумане я наткнулся на собственный телефон, потом выяснил, что могу на него влиять как-то…

Теперь его голос звучал так отчетливо, что если бы я закрыла глаза, то вполне могла представить, что говорю с человеком. И, кажется, в воздухе я теперь видела почти прозрачную белую тень – но настолько прозрачную, что уверенности в этом не было. Возможно, я просто захотела ее увидеть. Вздрогнула – нет, точно! Белое пятно!

– Сереж, я… кажется, вижу тебя…

– Вау! – пятно подскочило, а потом снова застыло в воздухе. – У меня такая теория возникла: мои силы прибавляются потому, что ты веришь! Понимаешь? Когда ты впервые услышала мой телефон, твой мозг уже приготовился верить, потому-то я и смог потом научиться хлопать дверцей! А вчера ты окончательно поверила, поэтому наконец-то услышала и мой голос… а теперь…

Я, не сводя глаз с белого пятна, которое будто вытягивалось по вертикали, покачала головой:

– Я не верю.

– В смысле? – пятно явно озадачилось.

– Я не верю, что ты призрак. Я верю, что сошла с ума.

Теперь в белой тени можно было четко увидеть, где ноги, а где голова, которая теперь склонилась.

– Ну ёхарный бабай… Маш, чего мне только стоило притащить назад свой телефон! А ты вот так, да? Такой банальной херней все себе и объяснишь? И как же мне тебя убедить? А мне очень важно убедить… потому что я не хочу обратно в туман.

Возможно, я даже могла разглядеть, как тень недовольно сводит брови. Но это уж точно игры воображения!

– Я не знаю как. А ты… ты собираешься теперь быть тут?

Белесая голова вскинулась:

– Прости, но за это время я многое успел обдумать. Я не встретил никого из своих сотоварищей по кончине, а значит, что, скорее всего, они куда-то уходят. Но я остался – не знаю зачем и почему. И я буду тут, пока не отвечу на этот вопрос. Или всегда. Но я больше не могу быть совсем один.

Я молчала, не зная, что ответить. Какие слова подобрать в утешение парню, который уже три месяца лежит под землей? Он продолжил сам:

– Возможно, с тобой я научусь быть более отчетливым? И тогда другие люди… Артем… Артем уж точно от меня не отвернется!

Артем для начала обосрется – может, и в переносном смысле – как я вчера, а потом примет – как я сегодня. При условии, что призраки все-таки существуют!

– А может, я этот… гребаный медиум? – предположила я. – И никто больше не сможет тебя увидеть?

Он ответил задумчиво – профиль теперь был очерчен так ясно, хоть рисуй. Возможно, что он и прав: чем больше я верю, тем больше в нем силы.

– Может, и гребаный медиум… Но хлопал я не тобой, а дверцей от шкафа… В любом случае мы сможем это проверить только потом.

Я смирилась со всем, что в мою голову просто не помещалась. Смирилась и кивнула.

– Но почему ты… не можешь уйти? Какие-то незаконченные дела? – меня озарила догадка, что я аж вскочила на ноги. – Тебя убили?!

– Не-е-ет! – он отмахнулся теперь уже почти настоящей рукой. – Я жил, как идиот, и умер, как идиот.

Наверное, я пришла в полный порядок, раз смогла неловко улыбнуться.

– Арендную плату делим пополам? – ого, у меня даже получилось произнести это с издевкой!

– Ага, размечталась, – он ответил тем же тоном. – В общем, пока сожительствуем, а как только что-то изменится – я свалю и сможешь вздохнуть спокойно!

Теперь мне его повелительный тон уже не нравился:

– А если откажусь? Как-то мне не улыбается идея жить с тобой… мы ведь даже друзьями не были!

– Потапова, – белый силуэт – уже не тень – приблизился. – А как ты меня выгонишь, а? Я ж тебя задолбаю хлопающими дверцами!

– Вот же… – я опешила от наглости, но попыталась вернуться в дипломатическое русло. – Тогда обговорим правила! Например, не пугай меня! И, естественно, никаких подглядываний… когда переодеваюсь или в ванной…

Он вполне себе натурально фыркнул:

– Я тут не первый день чалюсь, родная! И уже такого насмотрелся, что мне захотелось повторно выброситься из окна!

– Чего?! – я вытаращила глаза, представляя, как сижу на унитазе, а он… стоит рядом и лыбится.

– Ладно, Маш, ты нервная какая-то… Я пойду, соседей обойду. Кажется, радиус увеличился…

– Какой еще радиус?! – спросила это уже у стены, в которой он и растворился.

Если я сошла с ума, то это какое-то совсем невеселое сумасшествие! А если все произошедшее было на самом деле – так вообще грусть-тоска. Кажется, я не боюсь призраков. Кажется, я боюсь только психушки.

Глава 3. Этому городу нужен герой

Я проснулась, услышав тихий скрежет – знакомый звук, который издавал телефончик покойничка. Значит, феерия продолжается и сегодня… Я не спешила открывать глаза, потому что знала наверняка, что мои надежды, что вчерашнее окажется только сном, уже не оправдались. Не стала вздрагивать и вскрикивать, чтобы лишний раз подселенца не веселить. Но он, очевидно, понял, что я уже не сплю, запричитав противным монотонным голосом:

– Машулька проснулась. Вот проснулась же. Глазоньки открываем. Открываем, я сказал.

Я не выдержала и открыла рот, вместо глаз:

– Мне интересно, ты всегда был таким эгоцентричным мудаком?

– Я умер, дорогуша! – возмутился голос. – Вот как меняет человека такой, казалось бы, пустяк!

– То есть всегда, – сделала я очевидный вывод и решила встретиться с реальностью воочию.

И на этот раз вздрогнула. Сергей, развалившийся в моих ногах, но при этом совсем неощущаемый, был практически настоящим Сергеем: трехмерное цветное изображение, лишь слегка просвечивающее! Я от неожиданности села и попыталась его тронуть – рука легко прошла сквозь эту голограмму.

– Ну ни фига ж себе… – восхитилась я. – Ты прямо уже совсем реальный! На тебе та же одежда, в которой ты был…

Он осмотрел себя и просто пожал плечами:

– Знаю. Хорошо хоть, не голый!

Я продолжала водить рукой внутри его тела, разглядывая собственные мутные пальцы, будто погруженные в окрашенную жидкость.

– Хорошо хоть, что не лепешкой – как ты умер… Это выглядело бы неприятно.

– Ага. Говорил же – я тем реальнее, чем больше ты в меня веришь!

Я вынула из него руку и снова откинулась на подушку.

– Давай рассуждать логически, – обратилась, скорее, к самой себе. – Ты нематериален. Но я слышу твой голос, а звук создается вибрацией материи, следовательно, нематериальный объект не может создавать звук. У тебя ведь даже голосовых связок нет!

– У типя дазе гялясявих связак неть! – передразнил он, а потом заговорил нормальным голосом: – Ты че, Потапова, такая непроходимая, а? Может, это материя – просто какая-нибудь другая? Неизвестная современной науке! Или мой голос создается твоим сознанием как проекция нематериального посыла?

– Это просто офонареть, какое логическое объяснение… – вынуждена была я смириться, поскольку никаких других идей, кроме собственного сумасшествия, не обнаружилось. – Ладно, рассказывай, проекция, где был, что делал.

Он заметно оживился:

– В общем, меня никто, кроме тебя, не видит и не слышит. Может, ты и правда, гребаный медиум, или их мозг не способен спроецировать непонятное. Я и орал, и скакал прямо перед носом, чего только не делал – вообще никакой реакции! Но предметы двигать получается все лучше! С утреца табуретку у бабульки с пятого перевернул – она охнула, но меня так и не увидела.

– Противная бабулька, – решила вставить и я свое мнение.

– Не спорю. В общем, силушки богатырской во мне все больше, но для остальных людей я… И в зеркале не отражаюсь! Как самый крутецкий вампир, – он вздохнул.

И почему я не удивлена, что его расстраивает невозможность наслаждаться своей отраженной внешностью? Он и при жизни был довольно самовлюбленным, чего уж там.

– А что ты там про радиус какой-то вчера ляпнул?

Он почесал несуществующей рукой несуществующий лоб, а потом пригладил несуществующие темные волосы. Это, наверное, просто привычка – прическа всегда должна быть идеальной.

– Говорил же тебе – везде туман. Я и на телефон свой набрел совершенно случайно… А все остальное – люди, здания, деревья – будто… их нет, только слабые очертания. Даже звуков нет. И тут я натыкаюсь на вещь, которая почти четко вырисовывалась, конечно, узнал. Ну, а потом ты… И вокруг тебя пространство прозрачное! И чем больше ты убеждалась в моем существовании, тем больше становилось этого пространства. Сейчас туман начинается уже метров за сто от тебя – я дальше не выходил, побоялся, что не найду дорогу обратно. Ты, Потапова, центр моей вселенной!

– Ну, раз я центр, то мог бы заботливо дать мне выспаться… – расспрашивать дальше я смысла не видела – очевидно же, что он и сам пока мало что понимает. А когда поймет – расскажет без расспросов. И черта с два я ему рот заткну.

– Мне ску-у-учно, – протянул мой личный полтергейст. – Соседей шугать надоело. А если ты куда пойдешь, то и я смогу пойти! Вчера в институте вообще прикольно было потусить. Хотя я был удивлен, что вся группа не рыдает

беспрестанно по причине моей трагической кончины! Как вы там со скуки не передохли без меня?

Я обреченно вздохнула.

– Сегодня выходной. Поэтому я собираюсь спать до обеда. А ты пойди телек посмотри, посуду поучись мыть или еще каким полезным делом займись.

Он поднялся и теперь торчал прямо передо мной – интересно, почему он не проваливается в пол? Просто проецируется в привычной пространственной точке, или все же материальные преграды им как-то ощущаются? Но я оставила эти насущные вопросы на потом и снова закрыла глаза.

– Неплохая квартирка, хоть и маленькая, – еще бы он просто так ушел выполнять мои распоряжения! – И платите совсем копейки, у нас в городе таких цен за аренду вообще нет. Но это не удивительно…

Что-то в этой фразе заставило меня снова на него посмотреть:

– В смысле?

Он задумчиво оценивал вид из окна.

– Ну, ты же в курсе. Люди не очень любят, когда до их приезда в квартире кто-то помер, да еще так…

– Кто помер? – я и правда до сих пор не понимала. Я вообще не знала, кто в этой квартире жил до меня.

Сережа наконец-то посмотрел на меня:

– Ты что, не знала? Тут же бабка померла. Долго мучилась, а потом ее кошки есть начали, от голодухи небось. Так на этой же самой кровати… Прикинь, какое зрелище было, когда хату наконец-то догадались вскрыть?

Меня подбросило на метр вверх и отшвырнуло на другой конец комнаты. Я, стуча зубами, с ужасом смотрела на еще смятую подушку, где когда-то лежал

труп, который кошки…

– А-а-а-а-а-а, – единственное, что удалось мне выдавить.

– Ты че, мертвых боишься, что ли? – он хохотнул и хлопнул меня по плечу, но прикосновения я не ощутила.

Я начала заикаться, чего со мной в жизни раньше не приключалось:

– Т-ты в-видишь ее? Она т-т-т-тут? – и почти представила сморщенное обглоданное тело на том месте, где больше никогда в жизни не лягу спать.

Сергей спокойно прошествовал мимо меня, направляясь в сторону кухни. Оттуда и крикнул:

– Нет, конечно. Я ж говорил – никого не вижу из своих. Я пошутил, дуреха впечатлительная.

Я осознала. Три раза выдохнула, пять раз вдохнула, прежде чем заверещать со всем отчаяньем:

– Козлина шелудивая!!! Мразина отмороженная!!! Я чуть тут сама коньки не отбросила!

– Зато поднялась. И сонливость прошла. А Сережа – молодец!

Когда я смогла нормально дышать и почти нормально ходить, направилась за ним на кухню, по пути решив, что этому идиоту мои истерики – как с гуся вода. Нервно налила чай и с грохотом поставила кружку на стол.

– И куда же ты хочешь отправиться на прогулку, душа моя? – получилось почти елейно.

Он, очевидно, ответ уже давно придумал:

– Давай сначала на кладбище. Хочу посмотреть, как меня обустроили. И фотку на памятнике какую присобачили.

Получилось зло ухмыльнуться:

– А потом куда, дорогой? Или мы на кладбище весь день торчать будем – на фотку твою любоваться?

– Я б с Артемом встретился… – ему мой тон, видимо, не казался раздраженным. – Пригласила б его в кафе или еще куда… Может, он тоже сможет меня увидеть? И к матери моей бы заглянула…

– Да что мы говорим! Ты ее так сильно ненавидишь? А если она увидит тебя? Уверен, что ее удар не хватит?

– Не уверен, – он даже вздохнул. – Ты права, может, потом как-нибудь. Тогда что, на кладбище?

Он бы еще в ладошки похлопал от предвкушения выходного развлечения, как малое дитя, которого везут на аттракционы. Я не ответила. Допила чай, молча направилась к ноутбуку, порыскала по сайтам, взяла свой телефон. На надоедливо мельтешащего призрака рядом просто не реагировала.

– Здравствуйте! Я бы хотела записаться к психологу. Сегодня!

– Девушка, – оператор была очень вежлива и терпелива. – К сожалению, свободное время будет только на следующей неделе… в пятницу. Стоимость сеанса – тысяча рублей. В нашем центре…

Я перебила ее отвратительно вкрадчивый тон откровенным враньем:

– Я хочу покончить жизнь самоубийством! Сегодня! Купила веревку и мыло, ищу стремянку.

У нее даже голос не изменился, но через пятнадцать минут диалога с ней, а потом и с самим психологом, мне удалось «освободить» место для сегодняшнего

сеанса. Стоимость, правда, выросла в два раза. У меня были эти деньги, а потом придется ехать к родителям, чтобы выпросить еще.

В троллейбусе Сергей ехал на соседнем месте, обиженно поджав губы. Но хоть трындеть перестал.

У меня отобрали кровно выпрошенные у мамы две тысячи, вежливо протолкнули в затемненный кабинет и усадили в кресло. Психологом оказался приятный на вид мужчина лет сорока. Ему даже спрашивать меня ни о чем не пришлось – я сразу же честно выложила ему историю о том, как на моих глазах погиб парень, как я взяла его телефон, а теперь не могу выгнать его самого из собственной квартиры. К окончанию этого недолгого триллера психолог изменился в лице, заметно сосредоточился и сел ближе. Он начал спрашивать только тогда, когда я сама замолчала.

– Маша, я очень надеюсь, что вы меня не разыгрываете…

Я уверенно покачала головой, наблюдая за тем, как Сережа вытанцовывает на огромном письменном столе, напевая: «Чунга-чанга – синий небосво-од! Чунга-чанга – лето круглый го-од!» и довольно качественно вращая бедрами.

– Маша, – психолог был задумчив. – Если все так, как вы говорите, то я сначала обязан задать вам некоторые вопросы… и, возможно, они могут обидеть вас, но, пожалуйста, будьте со мной честны.

– Чунга-чанга – весело живе-е-ем! – Сережа размахнулся ногой и пнул лежавшую на краю книгу. Та слетела вниз и плюхнулась на пол, раскрывшись.

Психолог не закончил фразу про наркотики и обернулся на звук. Спокойно встал, поднял книгу и положил на место. А мне все стало понятно – книга упала не сама по себе, как решил доктор, ее скинул призрак. А это значит, что, как минимум, этот конкретный призрак точно существует! Его не видят, не слышат, но упавшая книга – это очевидный факт, и психолог своими действиями это признал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/alekseeva_oksana/ya-i-moy-voobrazhaemyy-nedrug

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити